

А. Лэнгле

ОЩУЩАТЬ ПРАВИЛЬНОЕ?

Аутентичность и совесть

В статье предпринимается попытка определить Правильное: вначале с помощью формальных критериев, а затем — с культурно-антропологических позиций иудейско-христианской Западной Европы. При этом важную роль для понимания Правильного (и Person) играет понимание отличия между арамейским понятием Слова («Мемра») и греческим понятием Логоса. Понятие Логоса связывает Правильное в большей степени с разумом, в то время как арамейское «Мемра» — в большей степени с речью, со словом.

Этот культурно-антропологический фон служит своего рода мостом к пониманию сущности человеческого бытия и производного от него представления о персонально правильном, которое в экзистенциальном анализе может быть отрефлексировано уже с феноменологических позиций. При этом первоочередной темой для нас стал способ проявления Person в форме чувства согласованности, поскольку в нем мы видим основу морального поведения, руководствующегося совестью. В соответствии с таким пониманием описываются переживания и психотерапевтическая практика. Однако при осуществлении экзистенции мы не можем соответствовать требованию абсолютной правильности принимаемых решений. На примере психотерапевтической рефлексии этической дилеммы показано, как может протекать неотчужденный, экзистенциальный ход жизни благодаря тесной связи человека с внутренним, аутентичным Собственным.

Ключевые слова: этика, совесть, Логос, мораль, Person, чувство согласованности.

Наряду с формальными определениями морально Правильного основой для построения этического порядка являются также культурно-антропологические обоснования того, что человек может считать для себя правильным. Опираясь на них, можно более глубоко понять сущность человека и прийти к производному от такого понимания представлению о структуре совести. В данной статье мы обращаемся к сложившимся в культуре представлениям о Person и совести и переходим к нашему пониманию персонального чувства согласованности как ядра совести. Эта работа должна внести свой вклад в прояснение понятия совести.

Что означает Правильное?

Интуитивно понятно, что это означает, когда мы, например, идя домой, находимся на «правильном» пути, когда в школе мы знаем «правильный» ответ или когда то, что мы говорим, «правильно». Здесь мы имеем дело с таким понятием, которое часто встречается в повседневной жизни и обычно не вызывает особых вопросов. Но все же что означает Правильное? Что имеется в виду под Правильным, что мы приобретаем с его помощью или что мы теряем, когда ведем себя «неправильно»?

Правильное, «правильно» связано с некоторым «*направить себя*». Ключевым моментом здесь является цель или объект: на что мы сейчас направлены? Каков наш *ориентир*? Этически правильное нуждается в ориентире, к которому мы можем направить себя, чтобы все сделать правильно.

Правильное также связано с *правилами*, встроено в некий *порядок*. Оно не может подчиняться произволу, но нуждается в неких закономерностях, которые повторяются. Только в таком случае можно установить, например, правильно ли мы все рассчитали. Применительно к этике это означает, что Правильное должно находиться в некоем конструктивном контексте, ведущем к возникновению ценности. Другими словами, Правильное должно быть связано с *ценностью*, которая находится в рамках некоего большего порядка и поэтому соотносится с тем, чем «по сути» является человек (как часть этого порядка). Таким образом, этически Правильное должно иметь дело с *сущностью* человека и тем самым с сущностью экзистенции. Представление о сущностном формирует, так сказать, систему координат, в которой располагается вектор Правильного.

Такое понятие Правильного оставляет открытым вопрос о том, может ли человек распознать Правильное, исходя из себя самого, или нет. Человек принципиально в состоянии *самостоятельно* познать этот порядок (и тем самым Правильное), или кто-то может *сообщить* ему о нем, в том числе, он может узнать о нем, например, через Божественные заповеди. Момент, когда человек узнает о Правильном, имеет, конечно, практическое значение, но для самого Правильного это несущественно. Нечто является правильным или неправильным вне зависимости от того, когда ко

мне пришло знание об этом: до совершения действия, в процессе него или после него.

Таким образом, в первом приближении, лингвистический анализ указывает на формальный критерий Правильного: нужен доступный для познания ориентир в некоей структуре порядка.

Откуда появляется порядок (Логос)?

Западноевропейской традиции известны два пути познания Правильного: путь сверхъестественного (Божественного) откровения и путь человеческого познания, то есть познание, приходящее от субъекта и человеческого сообщества. Способность человека, принципиально самому познавать правильное в Античности связывалась с разумом, с *Orthos Logos**. Orthos Logos доступен человеку, поскольку у него есть ум, *Нус (Nous)* (Платон, Аристотель). То конкретное Правильное, что надлежит делать, соответствует Логосу ситуации, который, в свою очередь, произведен от Логоса Бытия. Эти античные представления были подтверждены христианством и оказали большое влияние на наше западноевропейское мышление и понимание Правильного. Как же это происходило?

Исследование этого вопроса потребовало вернуться к самому началу, к истоку всякого Порядка — к возникновению мира. В Западной Европе большое влияние на христианство оказали древнееврейские представления.

В соответствии с представлениями древних евреев, мир возник благодаря *Мемра*, или Маамар, — «могущественному Слову Бога». Это арамейское понятие в Таргуме** означает Слово, божественную творческую/созидающую силу, становление Бога видимым («Шекина»)^{1***}. Важно отметить, что арамейское понятие «Мемра» означает «действенную силу Бога», приводящую к Творению.

В христианстве слово «Мемра» было переведено греческим словом «Логос». Тем самым это понятие перешло в другой куль-

* У Платона и Аристотеля «orthos logos» — это правильное намерение или убеждение (см. ниже); у стоиков — это божественный мировой закон, дающий этические нормы, и даже божественное откровение (Филон Александрийский) (Bräuer, 2003).

** Таргум — перевод древнееврейской Библии (Старого Завета) на арамейский язык. Поскольку после египетского плена иудеи сделали арамейский своим государственным языком, то они перестали понимать первоначальный текст Библии, написанный на древнееврейском языке. Христос и апостолы говорили уже на арамейском.

*** 1, 2, ... — см. примечание в конце статьи.

турный мир, поскольку в I в. н.э. у понятия «Логос» уже была своя собственная, длительная история, и в его основе лежало иное понимание того, что означает «Слово»².

В греческом языке Логос означает ориентацию на внимательную *разумность* в отношении того, что само становится видимым и *распознаваемым* в феноменах. Логос связан с рациональностью. Логос — это понятие, противоположное понятию «Мифос», которое являлось простым рассказыванием и поэтому носило характер искусственно созданного, придуманного. Логос же, напротив, считался «истинным», обоснованным, *доказанным познанием*. Соответственно, управляемое Логосом мышление является «логичным» мышлением. Быть логичным означает быть последовательным в своих выводах, заключениях³. В то время как в древнееврейском/арамейском понятии «Мемра» предполагает, что творческой, созидательной силой является *Слово* Бога, в понятии Логоса такой силой является *разум*. В этом состоит важное отличие между этими двумя понятиями. Что это означает? То, что первоначальное значение слова «Мемра» в греческой культуре изменилось. «Слово творящей, созидющей Силы» стало *борьбой за истину и познаваемость* у Платона, *разумом* — у Аристотеля, *законом*, действующим как для мира, так и для индивидуума, — у стоиков (Meyers Enzyklopädisches Lexikon, 1975. S. 205 etc.). «Для стоиков Логос стал имманентным Словом, божественным принципом, который пронизывает мир, лежит в основе его взаимосвязей, направляет и движет им. Логос мыслился не как что-то нематериальное, но представлялся огнем и пневмой» (Haag, 1956. S. 1036). В неоплатонизме Логос понимали как формообразующую силу*, настолько сильную, что с ее помощью человек мог вырваться из *плена телесности* и достичь *истины Бытия* (Meyers Enzyklopädisches Lexikon, 1975. S. 206). Тем самым человек получил намного более близкий доступ к созидательной силе, так что теперь он при помощи своего разума (Нуса) мог встроиться в Божественный порядок. Для понимания того, что есть Правильное, нам важно знать, как дальше происходило развитие представлений о Логосе, которые, исходя из сложившегося базиса, в *христианстве* получили иное содержательное наполнение и оказали серьезнейшее влияние на западноевропейскую цивилизацию.

* Это та сила, которой «Бог основал мир и которой Он создал все» (Haag, 1956. S. 1036).

Очертим три основных шага в развитии этого понятия.

а) *От Мемры к Логосу*

В Евангелии от Иоанна (Ин. 1:1; 1:3) говорится о Логосе, благодаря которому все начало быть (см.: Hahn, 2005. S. 619): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»; «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Согласно этой теологии, Бог установил связь с миром именно через Логос, который получил здесь дополнительное толкование как «пре-экзистенциальный Логос». Через Логос Бог обратился к миру*. В рамках этой, существовавшей от века сопринадлежности друг другу Бога и Логоса занимался творением сам Бог, но это происходило именно через Логос⁴ (*ibid.*). Физическое воплощение Логоса во Христе (Ин. 1:14; 1:18) является последовательным продолжением Творения (Hahn, 2005. S. 624).

б) *От Логоса ко Христу*

Большую роль для последующего понимания Логоса сыграл апологет** Юстин Мученик (около 100–165 н.э.). В своем толковании понятия Логоса он вернулся к «переработанной философско-метафизической системе» и описал Логос в духе учения стоиков или среднего неоплатонизма (Brinkschröder, 2006. S. 557), показав его связь с историей иудеев⁵. Благодаря такому неоплатоническому толкованию Юстин придал Логосу *духовно-моральный характер*, что в конечном итоге привело к противопоставлению Логоса сексуальности⁶.

в) *От Логоса через Бога к человеку*

Интересно, что Ансельм Кентерберийский определял божественную творческо-созидательную силу как *«intima locutio»* — внутреннюю речь, — через которую нечто создавалось из Небытия (Anselm, 1946. P. 10, 12). Ансельм здесь возвращается к учению святого Августина, который уже ранее говорил о внутренней речи (Bestul, 1997. P. 18). В то время как ремесленник в процессе принятия решения всегда зависит от внешних ориентиров, норм, то есть вещей, которые существовали уже до этого; для Бога достаточно

* Борьбу за понимание Логоса в таком ключе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1) вел Гете в «Фаусте», ведь Логос сначала понимался как смысл (как это делал Франкл. — Frankl, Kreuzer, 1994), затем как сила (что ближе всего к понятию Мемры) и, наконец, как действие.

** Апологеты — это защитники христианства, стремившиеся представить его как религию, основанную на разуме.

тихого слова или даже внутренней речи (*Anselm*, 1946. P. 24 etc.; *Stock*, 1983. P. 340). Т. Бестал^{*} (*Bestul*, 1997. P. 19) поместил эти теологические представления в контекст того общего интереса, который в XI–XII веках проявлялся к внутреннему человеку и привел к росту интереса к психологии, биографии и портрету, они также имели большое значение для Бернарда Клервоского и создания им ордена тамплиеров.

Поэтому в иудейско-западноевропейской традиции Слово рассматривалось как *духовная почва для Правильного*. Ведь Слово — это Изначальное, это то, из чего все происходит, то, что все собой пронизывает, упорядочивает, взаимоувязывает. В христианско-западноевропейской культуре Логос пронизывает собой не только мир, но и человека, который сам обладает Логосом и может с его помощью познавать Логос мира, ориентироваться на него и тем самым встраиваться в мировой порядок и своим собственным становлением и своими созидательными актами вести себя как со-творец^{**}. Если человек хочет принимать *правильные* решения, то это должно происходить в рамках его попыток *связывать* свои решения с *этим Духом*. Ведь основа вопроса о Правильном заключается в том, что вообще существует некий Порядок и что этот Порядок доступен нам благодаря нашему познанию или через предъявление нам требований. Когда перед нами ставятся задачи или нам предъявляются требования (например, нашим супер-эго или теми, у кого есть власть), то эти задачи/требования бывают только тогда правильными, когда они соответствуют Логосу.

Понять и пережить, что такое *власть слова* и его *созидающая сила*, мы можем непосредственно в своей повседневной жизни. На этом феномене построена и западная психотерапия, целительная сила которой во многом связана с речью. Каждый человек знает, что то, что произнесено вслух, высказано, имеет больше реальности, чем то, о чем мы просто подумали или почувствовали. Говорение *создает реальность* и в отношениях (например, когда мы «даем слово»), слово скрепляет обещания или договоренности, или человек может, например, суеверно испугаться власти

* Бестал Томас (Thomas H. Bestul) — современный американский исследователь средневековой литературы. — *Прим. перев.*

** «Считается, что человек — это animal rationale. Это определение является не только латинским переводом греческого zoon logon echon, но и метафизическим толкованием» (*Heidegger*, 1946. S. 223).

слова, и тогда он не захочет произносить что-то пугающее, чтобы «не навлечь беду». Слово может и ранить, да так сильно, что потом нередко уже ничего нельзя бывает исправить. С другой стороны, глубокий отклик в душе могут вызвать слова благодарности. А когда мы молчим рядом с умершим человеком, мы сознательно как бы отодвигаем себя на задний план, со всем почтением представляя пространство смерти, — здесь власть Слова наталкивается на свои границы, ее действие подходит к концу. Здесь для слов больше нет места.

В XIX веке Логосом занимались очень много*. Из этого времени происходит и Виктор Франкл, который, как хорошо известно, стремился выстроить терапию на основе Логоса. Поскольку субъективным двойником Логоса является Нус — разум, то духовное измерение в человеке Франкл определил как «ноэтическое измерение» и говорил о «ноогенных неврозах». В качестве наиболее интимной способности ноэтического измерения он рассматривал совесть, с помощью которой человек может находить соответствие с Логосом. Из этого естественным образом вытекает, что в логотерапии совесть считалась «органом смысла» (*Frankl*, 1984. S. 20).

Логос и духовность в человеке

Если, говоря о правильном действии, мы, в конечном итоге, имеем в виду соотношение его с господствующим над всем Созидающим Духом, тогда возникает вопрос: как этот Созидающий Дух, Мемра-Логос, представлен в человеке и как он может стать действенным? Как проявляется Мемра, что такое Логос в человеке и как можно обнаружить Логос ситуации?[?]

Логос в человеке, так сказать, «субъективный логос», это разум, «Нус», способность осознанно и разумно действовать. Он позволяет нам постигать Логос ситуации, «смысл» (*Heidegger*, 1979. S. 59; *Frankl*, 1984. S. 90, 254 etc.). Нус понимается как человеческий дух. Тем, что с этой точки зрения, прежде всего, отличает человека, является использование разума как инструмента своего духа (*Kant*, 1781; *Hegel*, 1807). Разум понимается в основном как сознательный разум, и его содержанием является *знание*. Совокупность знаний, или «знание-вместе», «со-знание» (Mitwissen), —

* Например, *Duncker*, 1848; *Heinze*, 1872; *Aall*, 1896; *Daub*, 1833.

это *con-scientia** (на шведском языке: *sam-vete*). Немецкий перевод «*conscientia*» как *Co-Весть* (*Ge-Wissen****) позволяет вспомнить также о некоем изначальном знании, о своего рода Наличии-Со-Знания*** (*Ge-wußt-Haben*) (*Frankl*, 1984. S. 196 etc.).

С антропологической точки зрения еще с Античности дух рассматривался как собственная, присущая человеку способность. Со времен Аристотеля говорили о теле-душе-духе, в англоязычных источниках — о *body-mind-spirit*, что, однако, не вполне соответствует тому пониманию, которое сложилось в немецком языке, где *mind* означает осознание, внимание, способность принимать во внимание (замечать), а *spirit* — нечто в большей степени связанное с религией, спиритуальное, то есть «*spirit*» означает не «духовное» («*geistig*») в том смысле, в каком мы это понимаем, а скорее «одухотворенное» («*geistlich*»). Вместо *mind* в немецком языке используется антропологическое понятие «душа», под которым чаще всего понимается мир чувств (так, переживание может нас «воодушевить»). В психологии все больше и больше понятие души заменяется понятием психики, чтобы сохранять отличие от религиозного понимания души.

Еще Виктор Франкл (см., например, *Frankl*, 1979. S. 26) указывал на то, что дух человека, «духовное в человеке», как он предпочитал говорить, нельзя ошибочно понимать, как нечто рациональное. Он ссылаясь на Паскаля сего «*logique du coeur*»**** и говорил об иррациональной глубинной *Person*, которая является основой для эроса, этоса и пафоса (*Frankl*, 1979. S. 30). Наряду с этими представлениями, которые не совпадали с классическими представлениями о Логосе, Франкл, однако, в своей антропологии придерживался такого определения, как «ноэтическое измерение», и тем самым принципиально стоял на понимании человеческого Логоса как Нуса (разума). Нус же считался непостижимым, что придавало ему характер свободы: перенимая исходные тезисы *philosophia*

*perennis**, Франкл определял *Person* как «свободное в человеке» (*Frankl*, 1959. S. 684; 1984. S. 156 etc.).

С этого места берет свое начало современный экзистенциальный анализ. Оборачиваясь назад, мы сегодня можем говорить даже о «повороте к *Person*» в экзистенциальном анализе, который произошел в 1989/1990 (*Längle*, 2014). Тогда мы начали обозначать ноэтическое измерение не как «ноэтическое», а как «персональное измерение». Это было началом отхода от доминировавшего в логотерапии понимания Нуса и Логоса. Точнее говоря, это было серьезным шагом, повлекшим за собой культуральную трансформацию, что отразилось также на атмосфере терапевтических встреч и образовательного процесса. Речь шла ни много ни мало об отходе от греческой культуральной традиции понимания Логоса, на почве которой возникла и развивалась логотерапия. Это привело прежде всего к другому определению *Person*, с чем, кроме того, была связана разработка персонального экзистенциального анализа (ПЭА) (*Längle*, 1993, 2000). В таком диалогическом определении *Person* понималась как «то, что говорит во мне» (*Längle*, 1993. S. 137). Этими двумя шагами — разработкой феноменологического понятия *Person* и его практическим применением в ПЭА — мы отошли от традиционного понимания Логоса в человеке. То, что де-факто это в известной степени означает приближение к арамейскому понятию «Мемра», до сих пор не осознавалось и сейчас оторефлектировано впервые.

Персональность как сущность человека

В экзистенциальном анализе сущность человека мы понимаем как *Бытие-Person* (*Person- Sein*). То есть мы видим в человеке эссенцию, видим его сущность не только в осуществлении (в конечном итоге всегда преходящем) его экзистенции, как это делается во всей остальной экзистенциальной философии, но, помимо этого, в глубинном и ощущаемом нами основании нашего бытия. Здесь человек является местом «оседлости» Порядка; того Порядка, в который включен и он сам; Порядка, который материализуется (воплощается) в нем как человеке и *Person*. И поэтому, когда речь идет об обнаружении того, что является *Правильным* в действии, должна быть привлечена сущность человека или, другими слова-

* «*Conscientia*» по-латыни означает «совесть», «*scientia*» — наука, совокупность знаний. Автор пишет «*con-scientia*» раздельно, обращая внимание на значение отдельных частей слова, на то, что вторая часть слова «совесть» означает «знание». — Прим. перев.

** В немецком языке префикс *Ge-* указывает на совместность (занятия, пребывания и др.). — Прим. перев.

*** В смысле совместного знания. — Прим. перев.

**** *logique du coeur* (франц.) — логика сердца. — Прим. перев.

* *Philosophia perennis* (лат.) — извечная философия. — Прим. перев.

ми, должна быть установлена связь этого действия с человеческой сущностью. Поскольку любое действие, которое осуществляется без такой связи с сущностью или вопреки последней, есть потеря себя, ущемление бытия, направленное против структуры Порядка.

Как уже говорилось, в феноменологическом экзистенциальном анализе мы понимаем *Person* как нечто, что поднимается из собственной глубины *в субъекте, чтобы заговорить*. В тишине моей собственной интимности нечто начинает становиться слышимым, подавать голос, говорить со мной. Это и есть *Person*. Она начинает звучать во мне или через-меня (*per-sonat*), сообщает мне о себе с помощью некоего возбуждения, движения, колебания, чувства. Вначале это еще далеко не является словом или предложением. Из темноты, из тишины что-то поднимается во мне — кому это незнакомо? Даже если я не запрашиваю его и не думаю о нем, во мне постоянно протекает внутренний креативный акт моего собственного присутствия при том, что я делаю и переживаю. Иногда я уделяю ему больше внимания, и тогда он становится более осознанным, а иногда — меньше или совсем пренебрегаю им, поскольку он мешает, отвлекает меня от дел*. Так вступает в действие моя духовность, которая становится активной в проживании мною своей жизни и включается в этот процесс именно таким способом. Духовность представляет собой *инспирацию* в собственном смысле слова: я ощущаю на себе «дуновение» персонально-духовного, оно касается меня, заговаривает со мной, говорит мне о том, *что* оно интуитивно-феноменологически воспринимает. Феноменологически воспринятое, означенное (здесь есть место и для Нуса), прочувствованное, постигнутое — вот содержание этого текста. Духовное наполняет человека своим звучанием, «*per-sonat*». Это есть гениальный креативный процесс, который, в подлинном смысле слова, является первоисточником: струи этого первоисточника играют в нас — снова и снова, и каждый раз по-новому. М. Хайдеггер (*Heidegger*, 1946/2004. S. 323 etc.) описывает это такими словами: «Человек принадлежит своему существу лишь постольку, поскольку слышит требование

* Именно в таких ситуациях нередко сон предоставляет пространство, где может зазвучать голос *Person*. Во сне происходит аналогичное: все то, что не было пережито днем, вся психологическая динамика поднимается, и тогда *Person* запрашивается изнутри и что-то говорит человеку обо всем этом. Здесь происходит своего рода «диалог», точнее, беседа с глазу на глаз с самим собой.

Бытия. Только от этого требования у него „есть“, им найдено то, в чем обитает его существо. Только благодаря этому обитанию у него „есть“ его „язык“ как кров, хранящий присущую ему экзистенциальность. Стояние в просвете бытия я называю экзистенцией человека». Таким образом, Хайдеггер определяет язык как «дом бытия» (*ibid.* S. 322 etc.), в котором человек «принадлежит своему существу». С этой точки зрения рассматривается и совесть: «Зов <...> совести — это обращенный к обычной самости („быть как все“) призыв стать Самостью, как таковой — это призыв к Самости, к моей способности быть самим Собой и, тем самым, вызывание моего конкретного Бытия в его возможностях <...> Совесть вызывает (в модусе молчания) Самость к бытию из потерянности в том, чтобы быть как все» (*Heidegger*, 1979. S. 274). Это «призыв к моей собственной способности быть Собой», и, как таковой, он является «вызыванием моего конкретного Бытия в присущих одному ему возможностях» (*ibid.* S. 273).

Описание *Person*

При таком понимании у *Person* нет *субстанции* и нет *истории*. Она неуловима, непостижима, к ней трудно найти доступ, она скрыта, находится в сфере потаенного. Такие же характеристики присущи Богу: Он также скрыт от нас, Он также не имеет субстанции, Он непостижим. *Person* потому не имеет истории, что она каждый раз по-новому начинает «шевелиться» в нас, таинственная, она отвечает нам, привносит и показывает сущностное. Но хотя *Person* и не имеет истории, конечно же, свою историю имеет наше *обхождение* с персональным, упражнение в том, чтобы быть внимательными к своему персональному. У нашего «Я» есть история.

Когда мы так понимаем *Person*, то говорить о ней становится трудным делом. Если у *Person* нет субстанции, тогда что она собой представляет? Для ответа на этот вопрос может оказаться полезным введение понятия, которое, насколько мне известно, обычно не используется в данном контексте. Наилучшим образом мы можем описать *Person* как феномен. «*Person — это феномен*». Это означает следующее: *Person* есть только тогда, когда она появляется в этой форме. Ее сущность — это появление. Она есть здесь только тогда, когда она появляется, потому что ее запрашивают. Ее сущность проявляется только тогда, когда она, *Person*,

находится в соотношении, — поскольку *Person* обнаруживается во *взаимодействии* со средой, она есть только тогда, когда она может действовать, влиять, подобно свету, который становится видимым только тогда, когда попадает на какой-то объект. Таким образом, сущность *Person* — это *соотнесенность*, но в ней *Person* сохраняет самостоятельность. Самостоятельность, парадоксальным образом возникающая только в соотнесенности, поскольку иного основания у *Person* нет*. *Средой Person*, то есть тем местом, где она может появиться, является как *внутренний*, так и *внешний мир*, — *Person* неизбежно находится в контакте с обеими этими сторонами человеческого бытия. Во внутреннем мире — когда мы начинаем слышать внутреннюю речь, во внешнем мире — когда происходит диалогическая встреча**. *Person* нельзя ухватить, нельзя удержать, но с ней можно встретиться. Ее можно встретить. Ведь *Person есть только во встрече*, либо во «встрече» с самим собой (это не является собственно встречей, а скорее внутренним приходом к себе, нахождением себя), либо во внешней встрече с Другим. Поэтому *Person* «есть» только в *осуществлении* (Heidegger, 1979). Это не так-то просто себе представить. Здесь может помочь сравнение с направлением: у автомобиля есть направление только тогда, когда он едет. Если он стоит, у него больше нет направления. Но оно может снова появиться у него в любой момент. Потенциальность *Person* присутствует всегда, и как возможность она реальна. Поэтому сущностью *Person* является *потенциальное бытие*, постоянно существующая у человека возможность. Постоянное нахождение в возможности делает человека по сути своей *свободным*.

По причине того факта, что *Person* следует рассматривать как потенциальность, становится понятным, что «настоящее», аутентичное «Я», то есть такое «Я», с которым человек может идентифицироваться, встретить не так просто. Неудивительно поэтому, что

* См. описанные выше представления Ансельма Кентерберийского о «locutio interna» («внутренней речи»): человеческое бытие является предпосылкой того, чтобы она (внутренняя речь) могла подействовать, например, чтобы ремесленник мог реализовать свой внутренний проект; и только Бог не нуждается в этом, Его внутреннее тихое слово действительно как таковое.

** Причина целительности психотерапевтического диалога лежит в том, что в нем стимулируется проявление внутренней речи *Person*. Способствование внутреннему диалогу (по сути, внутреннему разговору с самим собой) может рассматриваться поэтому как основа психотерапевтической эффективности (см.: Längle, 2008. S. 63, 122 etc.).

бывает трудно вот так сразу описать, кем кто-то по-настоящему является. «Можете ли вы описать, кем вы являетесь?» — на подобный вопрос ответить нелегко, поскольку человек ощущает, что «Я» как *Person является пустым*. В этот момент особенно отчетливо ощущается, что *Person*, то есть сущностный признак человека, не имеет субстанции, она неуловима. И только если спросить, с чем у человека есть резонанс, что его трогает, что его интересует, как он стал таким, или во что он вкладывается, как он обходится с вещами/делами/людьми, — только в этих соотношениях мы можем обнаружить, кто он, по сути, есть. Потому что во всем этом как бы «просвечивает», проявляется его потенциальность. Как свет становится зримым благодаря предмету, с которым он встречается, а иначе он остается невидимым, так и *Person* становится видимой благодаря своим (внутренним и внешним) резонансам.

Эссенция и экзистенциальная философия

Признание наличия сущности в человеке противоречит пониманию экзистенции Ж.П. Сартром (Sartre, 1946/1994). Сартр полагал, что экзистенция предшествует эссенции. М. Хайдеггер (Heidegger, 1946) был не согласен с этим. В «Письме о гуманизме» он пишет о том, что сущностью человека является бытие, то есть «измерение экстатического в экзистенции» (Heidegger, 1979. S. 23).

Изложенные в этой статье представления в большей степени близки идеям Хайдеггера, чем Сартра.

Еще раз четко оговорим следующее: речь не идет о сущности, имеющей собственную субстанцию. Наше понимание сущности связано с тем обстоятельством, что у людей обычно есть интуитивное *представление о самих себе*, когда они говорят, например: «лично я», «я сам», «мое настоящее „Я“», «в сущности, я не являюсь...» и т.д. То есть в переживании самого себя человек встречается с чем-то абсолютно Собственным, которое невозможно ни с чем перепутать, которое не является лишь продуктом влияний извне на внутренние условия, а носит отчетливый характер генуинности, самостоятельности, характер идентичности как соответствия самому себе.

Взяв за основу этот источник персональных переживаний (запрошенность, чувство соответствия/согласованности, образ себя), мы приходим к обобщенному пониманию бытия *Person: эссенция*

человека рассматривается как проявление его персонального начала в интимности соотношения с собой. В соответствии с таким пониманием эссенция состоит вот в этом творческом Собственном — поскольку каждый раз оно видится нам по-новому — Собственным, которое дает о себе знать через чувство согласованности, Собственным, которое (внутри нас) начинает говорить от себя, о себе и, исходя из этого, может выйти также на уровень внешнего диалога и встречи. Восприятие этой внутренней речи и способность соотноситься с ней делает человека *аутентичным*.

Поскольку данная концепция *Person* обходится без субстанционализма, она перекидывает мост между классической философией и экзистенциальной философией. В классической философии *Person* понимается как сущность, как эссенция человека. Но с экзистенциальной точки зрения быть *Person* означает быть запрашиваемым (быть тем, кто должен дать ответ) и воспринимать то, что звучит внутри меня как внутренний голос. Бытие *Person* — это *внутреннее* зеркальное отражение того, что происходит *вовне*, как осуществление экзистенции в соотношении с миром. Бытие *Person* внутренне *предшествует* осуществлению экзистенции, предшествует внешнему диалогу.

Доступ к собственному бытию — *Person*

Поскольку *Person* дана человеку только как возможность, возникает вопрос, каким образом мы можем получить доступ к собственному бытию-*Person*, активировать его, достичь его?

а) *Person*, затрагиваемая впечатлениями

Мы сказали, что характеристикой *Person* является то, что она представляет собой феномен, проявляющийся только там, где он находится во взаимодействии с сущим/существующим (*Seiende*). Если это взаимодействие с другими людьми, то происходит встреча. Здесь влияние *Person* проявляется таким образом, что я чувствую себя «запрашиваемым», чувствую, что меня имеют в виду. Меня затрагивают в моей Самости (идентичности), а именно: в том, каким я знаю самого себя. Когда кто-то заговаривает со мной, встречает меня, то, я, как *Person*, переживаю следующее: «Имеюсь в виду я сам». В этом, среди прочего, состоит важный эффект терапии.

Но что вызывает появление *Person* во внутреннем плане, то есть во мне самом? Выше уже говорилось о том, что все начинается с некоего возбуждения, шевеления, движения, колебания, чувства, и чаще всего — далеко не со слова или фразы. То, что начинает прорасти здесь, в интимности бытия-самим-собой, то, что связано с Мемрой, с творческим Словом, нельзя обозначить иначе, как движение. Нечто начинает «шевелиться» во мне, нечто (духовно) схватывается* мною и, в свою очередь, охватывает меня как телесно-душевного человека. Это нечто «говорит» мне что-то о том, что я переживаю, слышу, думаю, делаю, — оно охватывает (постигает) все это и теперь что-то говорит мне обо всем этом, выдает свое «впечатление». «Каково мое впечатление? Как это для меня? Что это означает? Что в этом есть важного? Как я должен это понимать?» — то, что в такой вот интимности во мне самом начинает что-то говорить мне об этом, и есть *Person*. Она в определенном смысле дает во мне самом ответ на все эти вопросы. И этой речью она создает самое себя.

б) Действие *Person* из Внутреннего (мира)

Сначала внутри себя я просто чувствую затронутость. Что-то начинает двигаться, подниматься во мне и начинает двигать мною, создает некую настроенность, меняет мое внутреннее состояние. То, что при этом схватывается, это «согласованность» («*Stimmigkeit*») с положением вещей в целом, как во внешней ситуации, так и внутри меня, когда я нахожусь во внешней ситуации. Говоря практическим языком, передо мной возникают такие вопросы: «Каково мне в целом? Подходит ли мне это, быть в такой ситуации? Подходит ли мне быть подобным образом включенным в нее? Соответствует ли это сути того, что для меня важно, того, что я делал и собираюсь делать, того, чем я занимаюсь, всему этому, ценности всего этого? А мне самому? Чувствую ли я себя внутренне хорошо при этом?»

* Здесь автор использует глагол «*erfassen*», который имеет целый ряд значений, но в контексте данной статьи наиболее адекватными значениями являются следующие: 1) быть (внезапно) охваченным каким-то чувством, душевным движением и некоторое время находиться в этом состоянии; 2) получить некое всеохватывающее впечатление о чем-то; постичь, понять сущностное в какой-то вещи. Источник: немецкий толковый словарь «*Duden*». — Прим. перев.

Во внутреннем мире Персональное проявляется через внутреннюю *вибрацию*, которую можно обозначить как ощущение согласованности или несогласованности. *Person* не является тем, что просто воспринимает впечатления (идущие изнутри и извне), но она также активна сама по себе и проявляет себя в форме этого глобального чувства* согласованности. Ощущение согласованности/несогласованности — это и есть изначальный способ проявления *Person* во внутреннем мире, *Person* может реализовать себя во мне посредством этого чувства согласованности. Именно в чувстве согласованности *Person* становится реальной, присутствующей, благодаря ему она «здесь», она показывает себя. Она может проявить себя и в другой форме: давая нам какую-то идею, создавая в нас озарение. Она может также «заговорить» с тем, что во мне уже сейчас есть, привести его в движение, в колебание: мою психофизику, память, опыт, убеждения, знания, разум. Итак, мы видим, что *Person* живет в нас на гораздо более глубоком уровне, чем разум, она является более изначальной в своей феноменологической потенции. *Person* можно определить как «пра-звучание бытия человека», как его первопричина, «пра-источник», в соответствии с которым человек обретает свой образ. Разум же получает задачу создавать такой порядок, который бы соответствовал персонально понятным содержаниям.

Person и совесть

Person как сущность человека не является чем-то застывшим (такое понимание было бы метафизическим: имелось бы в виду существование какого-то другого физического бытия). Она есть «возможность-приходить-в-движение». Если «Я» занимается ограничением, локализацией (пусть даже для этого оно должно действовать), то *Person* обеспечивает расширение, принципиальную способность-каждый-раз-двигаться-по-новому. Для понимания Правильного нужно исходить из следующего: Правильное в том, «что соответствует тебе и соответствует мне, твоей сущности, и моей сущности, и сущности наших отношений». Это делает Правильное *относительным*. Поэтому в экзистенциально (а не метафизически или абсолютно) понимаемой этике важную роль играет

* Говоря о согласованности/несогласованности, автор использует оба термина — как «чувство» (das Gefühl), так и «ощущение» (das Gespür, das Spüren). — Прим. перев.

Между, где существенное как раз имеет возможность проявиться. Это делает этику относительной. Такая этика — это релятивная этика, стоящая на базисе* того, что человек может, чем для него является жизнь, в какой мере он отдает себя и доступен для других, насколько хорошо он понимает более широкий контекст и то, что в нем должно происходить. Для того существенного, которое человек ищет и которое может быть более или менее сбалансированным, гармоничным, это, среди прочего, означает, что человек может не вполне соответствовать другому человеку и самому себе, поскольку этого не позволяет сделать ограниченность бытия. Иногда самому человеку (или другому) причиняет страдания то, что в свете этого *Между*, в свете того, что их объединяет, в свете истины их отношений Правильное представляется как что-то «нечестное», некорректное по отношению к кому-то из партнеров или к самому человеку, но тем не менее оно соответствует сущности *Между*. Этически правильное поведение можно сравнить с рождением: когда в мир приходит что-то новое, это причиняет боль, причиняет страдание матери и ребенку. Мы ни в коем случае не должны думать, будто этически правильное поведение не может вызывать страдания как у других людей, так и у самого человека; часто оно означает как раз следующее: найти основания возникшего страдания. Наряду с такой ситуативностью совести Р. Шпеман** (*Spaemann*, 1986. S. 74) подчеркивает также ее индивидуальный характер:

«Говорить о совести означает говорить о достоинстве человека. Это значит говорить о том, что человек не является случаем Всеобщего, экземпляром своего вида, но что каждый Единичный как Единичный сам является тотальным, он сам есть это „Всеобщее“». В другом месте он пишет: «Совесть потому представляет собой персональное достоинство, что она одна делает человека судьей в последней инстанции в его собственных делах» (*Spaemann*, 1996. S. 181). Он понимает совесть «абсолютно в таком смысле, что если мы проходим мимо совести или действуем против нее, то жизнь невозможна; мы можем рассматривать совесть как то, что представляет *Person*» (*ibid.* S. 185). Но он считает также, что «не все то,

* В соответствии с фрактальным устройством персонально-экзистенциальных фундаментальных мотиваций.

** Роберт Шпеман (Robert Spaemann) — современный немецкий философ, историк, теолог. — Прим. перев.

что нам предлагает или разрешает совесть» уже по одному этому является хорошим (*ibid.*) и уж в любом случае, совесть может также и ошибаться, поскольку она (лишь) интендирует к истине (*ibid.* S. 186). Тем не менее, она интендирует к «объективному и абсолютному» (*ibid.* S. 188). Противоречит ли это нашему пониманию того, что совесть относительна? Мы полагаем, что как раз наоборот: представление об относительности совести указывает на то, что она носит характер пути. Поиск, который ведет совесть, — это процесс, и поэтому он является ситуативно обусловленным и ограниченным тем, что возможно. Но путь, на который нацелен этот процесс, представляет собой ту пра-основу, из которой произошло все, ту систему координат, в которой ситуативно располагается конкретная «запеленгованная» ценность. Совесть пеленгует нечто абсолютное, но всегда несколько отстает от него, поскольку принадлежит всего лишь человеку.

В совести есть два духовных движения:

а) Одно движение ведет человека *от себя* к другому. Он соотносит собственные действия с другими людьми, вследствие чего (собственные и чужие) интересы и потребности релятивизируются (становятся относительными). Эта линия напрямую ведет к вопросу о том, что *само по себе является хорошим и правильным* (и, тем самым, к вопросам этики).

б) Другое движение полностью возвращает человека *к самому себе*, позволяет ему в большей степени и по-настоящему быть собой. В этой персональной интимной согласованности (персональной совести) лежит основа морали. Поскольку отдельный человек сам потенциально представляет собой Всеобщее, он не может перекладывать ответственность за свои действия на других, он как единичная *Person* отвечает за всех. Так же, как и за себя: ведь *глубочайшая ценность*, о которой идет речь, когда мы говорим о совести, — это ценность умения видеть себя и позволения другим видеть себя.

Наиболее распространенным понятием для того, что мы здесь обсуждаем, является понятие ответственности. Другими словами, правильным можно назвать такое действие, за которое человек может *отвечать*. В экзистенциальном анализе мы говорим о персонально понимаемом правильном, и это то, за что можно отвечать. Часто мы не можем сказать, что с этической точки зрения является «правильным». Но субъективно человек всегда стоит перед вопро-

сом об ответственности, то есть перед вопросом о том, может ли он нести персональную ответственность за то или иное поведение, в большей или меньшей степени стоять за него. В этом состоит аутентичная позиция в рамках имеющихся возможностей.

Именно поэтому совесть так тесно связана со *стыдом*, поскольку там, где мы не можем нести ответственность, мы не можем показать и свое лицо. Совесть как *Person* и аутентичность — это интуитивно чувствующая вовне и вовнутрь открытость, это «неприкрытость» человека, его проявление в своей (глубинной) основе.

И эта основа, будучи экзистенциальной, не может быть сконструирована, а должна быть только найдена. Так же как мы не можем «сделать», произвести экзистенциальный смысл, а можем только найти и решиться на него, так и экзистенциально правильное должно быть найдено в диалогическом процессе согласования с сущностным. Другими словами: Правильное там, где исполняется *Person*. Это проявляется в чувстве согласованности. Следовать чувству согласованности означает в полной мере быть *Person*, когда мы полагаемся на то, в чем содержится Всеобщее, поскольку отдельный человек как *Person* «сам является тотальным, он сам есть это „Всеобщее“» (см. выше). Поскольку *Person* из-за своей открытости сущностному неизбежно является совестливой (конечно, при условии, что у «Я» есть доступ к ней, т.е. доступ к чувству согласованности). Как *Person* человек стремится к тому, что является «по совокупности хорошим», ведь совесть — это «интегрированная эмоция» (Längle, 2003. S. 185 etc.), в которой проявляется иерархия ценностей*. Применительно к себе самому это означает: «Я являюсь сущностным, когда могу ощущать, что я вот так могу за себя постоять». Следовательно, «злое» мы должны понимать как утрату связи с собственной *Person*. Человек не делает ничего плохого, пока он находится в связи со своей *Person*, — и тем самым может видеть также *Person* другого человека и быть открытым к ценностям внутри и вне себя.

Нормы только тогда являются этическими, когда они сохраняют открытыми рамки для индивидуально Правильного. И они становятся авторитарными, если больше не оставляют места для совести.

* В экзистенциальном анализе совесть определяется как «ощущение иерархии ценностей в той или иной ситуации при учете того, что данная *Person* в целом считает хорошим и поэтому переживает как Правильное» (Längle, 2008. S. 47 etc.).

Что такое согласованность?

Здесь мы более подробно опишем, что такое согласованность, поскольку это понятие является наиболее важным для понимания того, как субъективно переживается *Person*, а поэтому — важным и для практики терапии и консультирования.

Согласованность — это переживание *гармонии*. Переживание согласованности можно описать, сравнивая его с настройкой инструмента. Хорошо настроенный инструмент наилучшим образом позволяет раскрыться как самому себе, так и музыке, поскольку отдельные звуки хорошо созвучны друг другу и согласованы с общим для всех базовым звуком «а», благодаря чему может возникнуть и гармоничное звучание вместе с другими инструментами.

В слове «со-глас-ованность» звучит и речь: в ней есть «голос». Нечто в субъекте получает голос: подавая голос, становясь слышимым, оно сообщает о своем присутствии. Затем на это слово может возникнуть ответ, так что может возникнуть *внутренний*, гармоничный *разговор* с самим собой.

Гармония означает также и то, что мы себя *при этом хорошо чувствуем*: в связи с каким-то предметом или делом у нас есть хорошее чувство, некое завершенное — то есть целостное, а не частичное — чувство удовлетворения. Например, ничегонеделание может быть очень приятным, однако, несмотря на эту приятность, человек может не чувствовать себя по-настоящему хорошо, поскольку это не вполне, не целиком ему подходит.

На практике нередко бывает так, что мы ощущаем согласованность лишь «в значительной мере», но не на все сто процентов. Ведь то, что мы делаем, имеет также свои ограничения или недостатки и далеко не всегда хорошо соответствует всему контексту. Иногда мы должны быть довольными и тем, что поведение «в основном правильное», то есть в сумме своей является подходящим. Так, например, думая о своем без остатка заполненном ежедневнике, можно испытать не очень приятное чувство, понимая, что на все тебя может не хватить, — хотя *в общем и целом* это то, что тебе соответствует.

Это хорошее чувство (чувство удовлетворения) нельзя понимать как просто приятное состояние, которое бывает, когда, например, мы утоляем жажду с помощью воды. Речь идет скорее о *диалогическом благополучии*. Эрнест Хемингуэй (*Hemingway*, 1932.

Чап. 1) сказал однажды: «Мораль — это то, после чего чувствуешь себя хорошо»*.

При таких характеристиках согласованностью может быть только *согласие со своим сердцем*. Что еще может представлять собой эта гармония, если не идентификацию с тем, что «действительно есть»? Субъективно это переживается как: «Так и должно быть, это хорошо, это соответствует мне, это правильно». Здесь снова проявляется процессуально-диалогическая сторона *Person*: наше действительное «Я» нельзя ухватить. Действительное «Я» как бы «выныривает» применительно к каждой конкретной ситуации, в этом моем переживании бытия-в-мире и в акте обнаружения себя-в-нем.

Поэтому согласованность — это *колебания* в субъекте. Без выхода вовне или вовнутрь колебательных движений не происходит. Они рождаются как звук флейты — без встречного потока воздуха флейта молчит. Это как если бы у нас были зеркальные нейроны для самих себя, это своего рода «внутренняя эмпатия», *Con-sent* (со-гласие), внутреннее «Да», которое с сопереживанием к себе и к другим феноменологически обозревает все целиком.

Таким образом, внутренняя согласованность — это *восприятие*, восприятие сущностного *посредством собственной сущности* — это восприятие *сущностного* вовне и внутри. Из соотношений с внешним и внутренним рождается глубинное видение. Глубокая мысль, услышанная от кого-то, музыка или природа (например, тишина в горах), стихотворение — все эти содержания могут что-то говорить *Person*, могут вызывать ее, к ней обращаться и приводить к тому, что она сама начинает говорить.

Точно так же нечто *из сферы внутренних переживаний* может говорить что-то моей *Person*. Это может быть мысль, которая меня увлекает или пугает, чувство, потребность, тоска по чему-то, воспоминание, план действий, решение. Всегда при этом присутствует *Person*, пытается ощутить, что происходит с точки зрения сущностного, воспринимает, взвешивает, а затем сама приходит в движение, и возникающее ощущение согласованности начинает говорить со мной. *Person* неотделима от моей жизни, постоянно интимно сопровождает ее. Она смотрит на сущностное. Она «го-

* Точный перевод цитаты: «Я знаю только одно: морально то, после чего чувствуешь себя хорошо, и аморально то, после чего чувствуешь себя плохо». — *Прим. ред.*

ворит» мне о существенном, указывает на мое Собственное. Подтверждает, требует, тормозит, предостерегает, указывает на возможное страдание или на возможное счастье. Я могу находиться с ней в гармонии или в дисгармонии, в последнем случае я ее не слышу. И тогда я продолжаю функционировать, но уже больше не являюсь самим собой, не распоряжаюсь силой внутреннего слова, мне не знаком аутентичный акт творения, идущий от *ultima locutio*.

Person говорит человеку: что для него сейчас правильно; как должно продолжаться дальше; где он имеет дело с чем-то существенным и важным, а где нет; где он может себя найти, а где — потерять. Где он воздаст должное сущностному в Другом, а где нет. Там, где *Person* занимается решениями, которые принимает наше «Я», то есть там, где она соотносится с содержанием действий (в том числе и других людей), там она проявляется как *совесть*. Мы вполне могли бы не называть это совестью, так как это есть *просто Person*, наша сущность, которая дает о себе знать. И в этом случае — то есть будучи совестью — *Person* делает все то же самое, что она делает обычно: она *смотрит* на то, в чем сущность предпринимаемого мною и как это соответствует моей сущности. Отметим, что совесть (*Gewissen*) связана не столько со *знанием* (*Ge-wissen*)*, сколько со *смотрением*, как это и было феноменологически подмечено античными греками, которые обозначили совесть словом «*Syn-eidesis*», что означает: обозревать, видеть целиком. *Person* всегда феноменологически смотрит на целое, всегда усматривает «Собственное», занимается существенным. С ним она произвольно входит в резонанс и сообщает об этом нашему «Я». Если *Person* соотносится с тем, что есть вне человека (с другим), тогда она может постичь, например, сущностное в произведении искусства, и тогда она показывает нам свою эстетическую сторону; если она резонирует с красотой настоящего момента, тогда она ведет человека к тому, чтобы он целиком присутствовал здесь, говоря ему: «Отдайся этому, посмотри, какая красота, насладись ею прямо сейчас, это и есть жизнь!» Встречаясь со взором ребенка, *Person* становится познающей, сопереживающей, эмпатической, внутренне подвижной, запрошенной и т.д.

* Здесь автор немецкое слово совесть «*Gewissen*» пишет через дефис: «*Ge-wissen*», подчеркивая, что его корнем является «*Wissen*» — знание. Если дословно перевести «*Ge-wissen*» на русский язык, то получится не «со-весть», а «со-знание». — *Прим. перев.*

После этого уже задачей разума становится комбинировать полученные таким образом результаты понимания, связывать друг с другом содержания.

Что резонирует в согласованности?

Когда мы ощущаем в себе согласованность или несогласованность, то речь идет о своего рода внутренних колебаниях, точнее говоря, если позаимствовать еще одно понятие из физики, — о внутреннем *резонансе*. При резонансе появляется звук, который представляет собой результат аддитивного наложения (суперпозиции) двух колебаний, частота которых отличается лишь незначительно. Если продолжить эту аналогию, то резонанс — это как равнодействующая сила (результант) от воспринятой сущности Другого и моей собственной сущности.

Этот резонанс возникает благодаря *Person* — то есть это *Person* «толкает» человека, *пронизывает* его «Я», его психофизику своей *силовой волной*. В такой форме *Person* присутствует всегда и при всем, активируется внешними и внутренними процессами, «звучит» (*per-sonat*) сквозь наши действия, приводит в колебательные движения наши чувства и пропитывает кровью наше тело или входит во взаимодействие с нашим «Я», поддерживая, спрашивая или вызывая сомнения, предостерегая. *Person* — это наш *постоянный внутренний партнер*, это внутренние колебания, которые возникают каждый раз в связи с тем, чем занято наше «Я». Человек всегда находится в этом диалоге, имеет возможность такого внутреннего восприятия, в нем всегда есть это эхо, ответ в виде резонанса. Вопрос состоит лишь в том, насколько он способен расслышать это и ориентироваться на это.

Но если удастся уловить, о чем мне хочет сообщить *Person* и ее колебания, тогда переживается *единство и целостность* «Я», тогда появляется чувство: «Это действительно я! Сейчас я есть целиком, я больше не раздроблен на части». Когда мы ориентируемся на эти колебания, на чувство согласованности, когда стараемся жить с этой согласованностью, то есть когда живем с внутренним «согласием», тогда мы даем духовному, *Person*, собственной сущности пространство в нашем конкретном бытии здесь (*Dasein*), даем им доступ в просвет Бытия (Хайдеггер), позволяем пронизывать нас своим звучанием первородной Мемре, пронизывающей всё

и вся. Если есть чувство согласованности, то это подобно тому, как если бы во мне звучали слова: «*Вот так хорошо*», с такими последствиями:

- Так и должно быть, так может оставаться и дальше. Пусть так и продолжается.
- Это соответствует мне, это соответствует ситуации и другим.
- Так я выхожу за рамки времени и индивидуальности.
- Так меня могут увидеть другие, потому что точно так же поступили бы и другие люди, если были бы в таком положении, как я.

Как пробудить чувство согласованности?

Конечно, в практике терапии и консультирования нас интересует вопрос о том, что еще, помимо сказанного, можно сделать, чтобы обнаружить эту согласованность, поддержать и усилить ее.

Для этого, в первую очередь, ее нужно *напрямую запрашивать*, например, так: «Что вы ощущаете в связи с этим в глубине души? Если вы полностью войдете в свой внутренний мир, полностью вслушаетесь в себя, прозвучит ли ответ: так и должно быть? Чувствуете ли вы себя хорошо, когда поступаете так, просто потому, что так и должно быть, и это вам соответствует?» Здесь внимание направляется на процесс и на результат этого внутреннего диалога с собой.

Полезным может оказаться и *внешний диалог*, который должен служить стимулом для внутреннего диалога. В совместном обсуждении речь идет о том, чтобы привести в соответствие содержание восприятия и относящиеся к нему чувства. Здесь приобретает значение креативная и созидающая реальность сила слова, как это было показано выше. Запрос, идущий со стороны другого человека, с его позиции, изложение им своей позиции перед лицом другого человека чаще всего приносят большую ясность в вопросы о том, как все должно быть и что есть Правильное.

В терапевтическом диалоге чаще всего бывает уместным (и это поддерживает пациента), когда терапевт делится своим видением согласованности или несогласованности, то есть сообщает пациенту о своем, внешнем восприятии.

Помимо этого, иногда требуется проводить работу с *нарушениями*: работу с когнициями в самом общем виде с такими аффектами, как страхи, с депрессивной неуверенностью и т.п., с недостатком/отсутствием чувств, которые бывают замещены различными принципами, взглядами, внутренними комментаторами, как это происходит, например, при личностных расстройствах и т.д. Вообще, различные виды *психопатологии* негативно влияют на способность ощущать/чувствовать, так как человек становится внутренне скованным и недостаточно открытым.

И, конечно, основным фактором в терапии мы считаем то, что сам терапевт присутствует здесь как *Person*, сопереживая, задавая вопросы, ощущая, открыто смотря.

Примеры

Можно привести множество примеров персональности и совести, поскольку *Person* присутствует в нас всегда. Потенциально она всегда доступна для нашего запроса, но мы не всегда запрашиваем ее.

Обнаружение того, что правильно, является важной составной частью экзистенции. Принимаемые решения часто оказывают весьма существенное влияние на нашу жизнь, накладывая на происходящее серьезный отпечаток, имеют далеко идущие последствия. Идет ли речь о том, чтобы вступить в отношения, об их прекращении или о ведении параллельных отношений, о продолжении или прерывании беременности, о не слишком законном бизнесе с хорошим доходом, о карьерном росте за счет других, о том, чтобы как-то использовать свою слабость (например, поддаться страху) и получить за это некую выгоду, о том, чтобы попросить прощения, и т.д. — во всех этих случаях мы ведем поиск Правильного, а если его не удастся «запеленговать», то возникает чувство несогласованности. Мы не можем быть свободными от такого эмоционального восприятия.

В моей практике подобные вопросы совести наиболее часто встречаются в связи с темами отношений. Что делать, когда человек в юности женился / вышел замуж на основе влюбленности, имеет двоих детей и вот только сейчас по-настоящему полюбил? Когда ему совершенно ясно, что вот эта женщина / этот мужчина и есть любовь его жизни? Правильно ли это — оставаться в преж-

них отношениях, правильно ли это для первого партнера, которому человек внутренне больше не принадлежит, правильно ли это для его детей, правильно ли это для его новой женщины / нового мужчины, правильно ли это для него самого, для его жизни? Правильно ли это после 15 лет пустых, отстраненных отношений — вступить в новые отношения, где у двоих столько общих ценностей? Кто здесь может сказать, что правильно? И не должны ли мы в рамках нашей психотерапевтической работы просто смотреть на реально выполнимое и пытаться понять, где и в чем в наибольшей степени человек может почувствовать эту согласованность? И как терапевты, сопереживая, вместе с ним смотреть, принимая во внимание его страхи и дефициты, которые тоже должны быть им прожиты?

В одной только этой сфере есть множество непростых ситуаций. Женщине, которая пережила описанную выше ситуацию, понадобилась помощь, поскольку она жила, следуя своей совести, но потом внезапно подверглась жесткой критике со стороны детей. Дети не смогли простить ей отношения на стороне и теперь считали, что это стало одной из причин преждевременной смерти их отца (который был почти на одно поколение старше жены). Сможет ли она продолжать стоять за себя, даже на остром ветру критики и отвержения? Не старалась ли она жить аутентично, в наибольшей степени соответствовать реальности и своим ценностям?

Другой пример — это Маркус. Маркусу около 35 лет, у него трое маленьких детей и хорошие отношения с женой. Несколько недель назад он начал, — что по причине своей совестливости всегда считал для себя невозможным, — отношения на стороне с коллегой по работе, которая также состояла в браке и имела детей, но ее отношения с мужем были плохими. На одной из корпоративных вечеринок он увидел, как она на него смотрит, — она уже давно «положила глаз» на него, но раньше он этого не замечал. Сейчас же он был удивлен светом этих глаз, точнее говоря, сражен им. Через три месяца после этого эпизода у них начались также интимные отношения. Их партнеры ничего не знали об этом.

Еще до этого Маркус целый год проходил терапию, а сейчас снова вернулся с данной проблемой. Он пришел сбитый с толку, страдающий, поскольку он не хотел начинать эти отношения, но влюбленность — а вдруг это настоящая любовь? — была такой

сильной, какой он раньше никогда не переживал. Он чувствовал, что, скорее всего, не сможет больше противостоять этому. Чем дольше он пытался сдерживать чувство, тем более неизбежным оно казалось, приобретало характер принуждения и одновременно характер идущего глубоко изнутри стремления и требования, глубочайшего волевого изъявления.

Поскольку нам интересен также этический аспект, сразу же отметим, что спустя восемь месяцев полноценных отношений на стороне Маркус отчетливо понимал, что у него нет угрызений совести.

Если исходить только из *знания*, у него, конечно же, должны были бы быть угрызения совести. Поскольку то, что он делал, было неразумно и уж точно нечестно по отношению к его жене (и к мужу его подруги). Но в реальности его совесть была спокойна. Было ли это вытеснением? Или, может быть, рационализацией? Возможно, он пытался в чем-то сам себя уговорить? Может быть, проблема в том, что он не мог достаточно хорошо ощущать, что происходит? Или у него недостаточно эмпатии, недостаточно открытости? Здесь возникало множество вопросов и возможных интерпретаций.

С когнитивной и практической точек зрения его поведение *нельзя считать моральным* — в этом нет сомнений, в том числе, у него самого. Тем не менее его ощущение говорило ему: то, что он делает, не является недостойным. Несмотря на то что в целом ситуация была неправильной, у него было чувство внутренней согласованности. Можем ли мы сказать, что ощущение все же «знает» больше, чем может знать разум? «Я ощущаю, что я не сделал ничего неправильного, это просто чувствуется как правильное», — сказал он. Даже тот факт, что он ничего не сказал своей жене, он считал допустимым, а проблематизация этого неблагоприятного обстоятельства в ходе терапевтической беседы привела лишь к тому, что он смог лучше осознать, почему так происходит.

Но так было не всегда. Еще на первой встрече он говорил о том, что у него есть «моральная проблема». И что он как минимум удивлен и как максимум, разочарован самим собой, тем, что с ним «могло такое произойти», — он считал, что это просто невозможно, ведь он всегда жил и продолжает жить дисциплинированно и все у него под контролем. «Но когда я вижу ее, вся моя дисципли-

нированность рушится. И тогда на самой большой глубине внутри себя я ощущаю, что не хочу прекращать эти отношения». С помощью метода изменения позиции (Perspektiven-Shifting) стало ясно, что он хотел проживать эти отношения. Попытка посмотреть на ситуацию «со смертного одра» также показала, что да, он хотел бы, чтобы такие воспоминания были в его жизни...

Уже в самом начале возник критический вопрос о том, должен ли он посвятить в происходящее свою жену. Он считал это невозможным. Во-первых, это поставило бы его перед необходимостью выбора между этими двумя женщинами (его жена точно не согласилась бы на двойные отношения). Но сделать такой выбор он определенно не смог бы, поскольку до сих пор не понимал всего того, что с ним происходит, и не знал, где его настоящая любовь. Он был очень привязан к детям и хорошо понимал свои обязательства, но все же толком не знал, на что он способен и что он точно не смог бы вынести. Во всей этой путанице принимать решение было бы все равно, что кидать кубик вслепую, наудачу. Вдобавок ко всему он считал, что сказанная им правда буквально разрушила бы жену. Она была бы потрясена, ранена этим. Он не хотел причинять ей горе. Но сказать об этом позже было бы еще хуже, поскольку в таком случае все, что он делал до этого, было бы для нее сплошным обманом. Собственно говоря, он мог только ждать и надеяться, что тайное не выйдет наружу.

Что это — малодушие или, наоборот, ответственность? Читатель может тоже спросить себя о том, каково Маркусу с этим жить? Может ли быть правильным ничего не говорить? Здесь, конечно, у людей могут быть очень разные ощущения и переживания, поскольку и жизнь у всех разная. Ясно только, что положение далеко не идеальное и что оно приносит страдания. И многие сказали бы, что то, что он делает, настолько предосудительно, что ему нужно было бы сразу же прекратить отношения. Однако в психотерапии или консультировании речь идет не о позиции терапевта или консультанта, а о сопровождении человека на его пути и о том, что реализуемо для него. Речь идет о помощи в поиске того, что правильно для него. Поэтому терапия, прежде всего, задает вопросы, высвечивая те аспекты, о которых стоит подумать, чтобы что-то понимать, снова и снова запрашивать совесть, то есть запрашивать *Person*, чувство согласованности и несогласованности.

Стало понятно, что начало отношений на стороне не было связано с его женой. Отношения с ней были хорошими, он ценил, любил и уважал свою жену, они прекрасно ладили друг с другом, и он не ощущал каких-либо дефицитов в этих отношениях. Он был благодарен ей за многое, что она давала и продолжает давать ему и его семье. Тогда, возможно, новые отношения были в большей степени связаны с ним самим? Здесь он не мог ничего точно сказать. Может быть, и да. Поскольку дело явно было не в его жене.

Однажды я откровенно, без обиняков спросил, не было ли это просто откровенной дуростью, — как он спонтанно это оценивает? На что он действительно спонтанно ответил: «Это точно неразумно». С точки зрения разума (или можно было бы сказать: в свете Логоса), это нехорошо. В его жизни разум всегда стоял на первом месте. Немного помедлив и попытавшись еще раз вчувствоваться, он сказал: «Это не дурость, это глубокая внутренняя потребность. Приносит страдания, но не дурость». Потом снова появилось сомнение: «Возможно, это и хорошо для меня, то, что я переживаю, но я ни в коем случае ни в чем не могу подозревать свою жену. Невозможно себе представить, как много она для меня сделала!»

В конце этой первой встречи он смог так обобщить свои переживания и свои установки: «До сих пор у меня было „плохое“ чувство: раз я это делаю, если я вступил в эти отношения, то это неправильно. Но если у меня так к этому лежит душа, значит, нужно сохранить это. И жить с этим».

Терапевт: «Да, нужно проживать себя. То есть либо я проживаю себя, либо я не живу по-настоящему».

Пациент: «Это так. Но тут есть один момент: я ведь живу не один, чтобы я мог проживать только себя. Раньше я все планировал и привык, что у меня всегда есть планы. Я их реализовывал и всегда видел путь, всегда видел также, как по нему буду идти...»

Т: (имея в виду ранее проработывавшееся в терапии сужение и фиксацию на профессиональной деятельности): «А сейчас вы впервые чувствуете, что жизнь имеет планы на вас...»

П: «Но теперь я не вижу путь. Или: я вижу правильный путь, но не знаю, мой ли это путь».

Такая дифференцировка важна: раньше «своим» путем он считал только реализацию своих планов. Это выражает ту позицию,

которая у него была до сих пор: он старался сам все определять, связывать с собой и проявлял слишком мало открытости к тому, что готовила для него сама жизнь. С терапевтической точки зрения и с учетом проработывавшейся ранее тематики страхов и мотивационного сужения, представлялось правильным поставить под сомнение его прежнее стремление распоряжаться всем по своему усмотрению и подвести его к тому, чтобы он проявлял больше открытости к жизни.

Т: «Здесь нет одного простого решения, но есть процесс. Это постоянный процесс взвешивания, мы постоянно поворачиваемся то к ситуации, то от нее. Мы пытаемся почувствовать, что здесь есть ценного, почувствовать ценность жизни в данной конкретной ситуации, почувствовать свое „могу“, почувствовать согласованность. Полнота жизни в том и состоит, чтобы вот так отдаваться тому, что есть. Но: как легко при этом мы делаем себя виноватыми! Иногда это выглядит как нечто неизбежное. И мы оказываемся в состоянии амбивалентности: с одной стороны, переживаем нечто и хотели бы, чтобы этого не было, — с другой стороны, мы все же не можем от этого отказаться».

Рефлексия

На данной стадии сопровождения речь шла не столько о вопросах этики или морали, то есть не о том, что было бы правильным, а прежде всего и в первую очередь о следующем вопросе: что вообще является осуществимым, что для Маркуса *возможно* сделать в этой ситуации? Экзистенциальная этика должна устанавливать связь с тем, что человек может, не с идеальным, а с актуально *осуществимым*. Именно в этих рамках делать лучшее, лучшее из того, что для человека возможно, является моральным. Такое понимание этики или морали ставит их вне идеалистических или метафизических представлений. Это релятивная, ориентированная на *Person* этика. Правильное — это то, «что соответствует тебе и соответствует мне, твоей сущности и моей сущности и сущности наших отношений», — говорили мы выше. Именно это делает этику релятивной.

Шопенгауэр считал: «Человек, конечно, может делать то, что он хочет, но он не волен над тем, чего он хочет»*. Такое понимание

* «Ты можешь делать то, что хочешь: но в каждый момент своей жизни ты можешь хотеть только чего-то вполне определенного и ничего, кроме этого» (*Schopenhauer*, 1978. S. 58 etc.). Позже отсюда появилась известная формулировка: «Человек, конечно, может делать то, что он хочет, но он не волен над тем, чего он хочет».

воли делает релятивной также и ответственность*. Каждому человеку знакомо то, что имеет в виду Шопенгауэр: я могу планировать похудеть или могу думать, что уже давно пора сесть за учебу перед экзаменом, но я этого не делаю, по-настоящему я этого не хочу (*will*), я не могу предписать это своей воле. Воля оттесняется, находясь под давлением, идущим как изнутри от различных потребностей, амбивалентностей, неясностей, так и извне — от принуждений, обстоятельств, выполнения функций и т.д. С этой точки зрения, у нас довольно часто должно было бы быть ощущение беспокойной совести, ведь мы часто таким вот образом оттеснены от самих себя, а наши действия в повседневной занятости не соответствуют нам самим или неадекватны ситуации. Ведь совесть обращает внимание на то, какой ответ дает *Person* на данную ситуацию, на то, как она здесь хочет высказаться. Поэтому мы не можем просто хотеть (*wollen*) того, что правильно. Этическое поведение — это не вопрос решения. А если человек не свободен в том, чтобы вот так запросто определять свою волю, тогда он ограничен и в своей ответственности. Ведь предпосылкой ответственности является свобода — я ответственен только за то, что я мог бы сделать и по-другому**.

Как же это было у Маркуса? Он не хотел отношений на стороне. Приход любви его удивил, красота *Person* другого человека так привлекла его, что он просто был «должен захотеть». Он больше не мог проходить мимо этой привлекательности.

Было ли это слабостью, недостатком характера, расстройством? Или при проявлении такой внутренней, тоскующей, требующей, сильной воли все же вышло на свет что-то очень важное, существенное, через что он не мог позволить себе переступить?

Воля по сути своей далеко не само собой разумеющимся образом подчиняется разуму. В столь же малой степени она может просто так следовать за совестью. У воли есть своя собственная

* Здесь «хочет» передается глаголом «wollen», это означает, что речь идет не о простом желании, для которого в немецком языке есть отдельный глагол «wünschen», а о хотении, связанном с волей. Поэтому в данном предложении глагол «wollen» и его личная форма «will» повторяется три раза («Der Mensch kann zwar tun, was er will, aber er kann nicht wollen, was er will»). И хотя в русском переводе мы дважды употребляем слово «хочет», важно указать на то, что так трудно адекватно перевести, но что имеет в виду автор: воля не вольна над собой, над этим идущим от воли хотением. — *Прим. перев.*

** Здесь, конечно, нужно отметить, что свободу следует рассматривать как длящийся во времени процесс, а также рассматривать ее в аспекте обучения и упражнения.

динамика, своя собственная задача, а именно: следить за тем, что персонально осуществимо, за соразмерностью собственной жизни и за способностями.

В экзистенциальном анализе мы не придерживаемся рационалистического понимания воли. Если воля настолько сильна, что человек просто не может поступать по-другому (как в знаменитой фразе, которую приписывают Мартину Лютеру: «*На том стою и не могу иначе! Бог да поможет мне! Аминь!*»), то в этом находит выражение сущность его экзистенции, его самореализации. Ход волеизъявления показывает, что свобода человека всегда остается связанной силой тяжести бытия, стоянием на почве условий и фактов (Längle, 2012).

Терапевтический фон

То, что Маркус влюбился, с терапевтической точки зрения было не столько удивительным, сколько целительным. Ведь на протяжении нескольких лет он страдал от тревожно-депрессивных атак, которые возникли вследствие параэкзистенциальной фиксации и ориентации на достижения, чрезмерно дисциплинированного образа жизни и привели к серьезным проблемам как в личной, так и в профессиональной сферах. В ходе предшествующей терапии он постепенно научился вместо жизни, ориентированной на цели, вести жизнь, ориентированную на ценности. Он научился уделять время себе и своей семье, наслаждаться, стал более открытым и общительным. Атаки становились слабее в той мере, в какой он научался жить.

Эта женщина на работе, его сотрудница, начала смотреть на него влюбленными глазами еще год назад, о чем она ему позднее рассказала. Но он этого не замечал. Становясь более открытым жизни, он смог обратить внимание и на это, он наконец увидел этот взгляд и стал восприимчивым к нему.

При этом он много лет испытывал дефицит встреч, приносящих радость, — и вот на эту, освободившуюся от дисциплинирующей хватки почву души и попала искра влюбленности. Как он мог избежать этих переживаний после того, как его душа получила опыт открытости, и после значительного ослабления тревожно-депрессивных эмоций? То, что с ним произошло, с терапевтической точки зрения выглядит как нечто целительное, как «закруг-

ление», придание окончательной формы проделанному процессу позволения самой жизни вмешиваться в его жизнь. Теперь он был готов к жизни — и она по-настоящему вмешалась!

Так для него начался период одновременно и счастья и страдания. Не все, что он делал, было правильным — и он страдал от этого, откровенно и по-настоящему. Он старался сделать лучшее, что было в его силах, в отношении всех участников. В этом процессе он рос, он вдыхал жизнь полной грудью, вбирал ее всем своим существом. Он ощущал глубокую привязанность к своей жене и детям, но также чувствовал, как сильно нравится ему другая женщина. Он глубоко ощущал и понимал, что никогда не сможет уйти от своей жены и детей. С самого начала ему это не было понятно. Все могло повернуться и по-другому. Он чувствовал, что двойная жизнь и ложь становятся все более непереносимыми; что любовь к другой женщине теперь уже нуждается в открытости, поскольку если она будет оставаться в тайне, то это будет ей мешать. Проживание любви только вдвоем, без возможности для нее развиваться дальше, перейти во что-то еще, расширяться, «затушевывает» — как он выразился — ее красоту. Он чувствовал также, что имеющаяся ситуация является неправильной и для его подруги, которая развелась с мужем и теперь нуждалась в том, чтобы устанавливать жизнеспособные отношения.

Так Маркус вырос из внешних отношений, пришел к самому себе. Если рассматривать эту любовь в более широкой перспективе, то она была экзистенциальным завершением его терапии, его выздоровления, формирования его новой установки по отношению к жизни: не подчинять жизнь своим планам, а быть открытым и находиться в диалогическом взаимодействии с ней. Причиной этой любви был он сам, особенности его развития и его проблемы, поэтому с определенной долей правоты можно сказать, что она не имела отношения к его жене. Конечно, он был ей неверен, — если посмотреть с чисто внешней стороны. Но внутренне это было не совсем так. Он никогда полностью не отдавался другой женщине. Так, например, он нередко не хотел сексуальной близости, а если она и происходила, то внутренне как бы сдерживал себя, в глубине души он оставался связанным с женой и никогда не отказывался от нее. Это может показаться нелогичным и в том числе нечестным по отношению к другой

женщине, но в нем самом это происходило именно так. Любовь к жене была глубоко укоренена в его душе. Она была для него глубокой внутренней действительностью. Этот опыт также стал веским основанием для того, чтобы отказаться от других отношений. Речь здесь шла не об идеализации и идеалах, не о нормах или заповедях, а о понимании того, что есть в реальности, об обхождении с возможным таким образом, чтобы человек мог стоять за себя, постоянно имея в виду также и других. Он старался причинить себе и другим как можно меньше вреда. Держать отношения на стороне в тайне было не вполне честно, но в то же время это соответствовало реальности — как других людей, так и его собственной. Это причиняло ему большие страдания. Он страдал оттого, что не мог не замалчивать данное обстоятельство. И в то же время у него было чувство, что такое его поведение соответствует его отношениям. «Я веду себя нечестно по отношению к тебе, но я не могу иначе, и также нехорошо было бы для тебя, если бы я все раскрыл. Это в большей степени разрушительно, чем созидательно, это означало бы придерживаться принципов, но не служить правде жизни, — это не соответствовало бы внутренней правде моей собственной жизни и правде для тебя».

Маркус пришел к пониманию себя. В этом и состояла задача терапевтического сопровождения. В конце нашей с ним работы и после завершения отношений на стороне он впервые смог по-настоящему сказать: «У меня нет угрызений совести». Это, однако, не означает, что он не страдал оттого, что в целях своего развития он вынужден был быть нечестным по отношению к жене.

Путь человека не всегда бывает прямым. Он не всегда бывает однозначным, иногда он сложен и запутан. И тем не менее человек может идти прямо по нему, если по-настоящему стоит за себя. Даже если это причиняет боль, несмотря на все хорошее. И еще: никогда нет уверенности в том, было ли это Правильным. Есть только одна уверенность: это был мой путь, и я старался. Я боролся — я жил.

Примечания

¹ «Еврейско-Эллинистическое „Мудрость“, „Слово“ четвертого Евангелия, „Мемра“ — в таргумической литературе, „Шекина“ —

в Талмуде и мидрашах — все указывают в разной степени и разными способами на величайший факт того, что мир материи и духа является не чем иным, как имманентной манифестацией Божественной Мудрости, Божественной Силы, Божественной Любви и Божественной справедливости» (Abelson, 1913. P. 77 etc.).

² У понятия «Логос» своя история была еще до христианства. Назовем лишь некоторые пункты на этом пути:

- У Гераклита «Логос» означал язык, который передает нечто, что может и должно быть понято (Meyers Enzyklopädisches Lexikon, 1975. S. 205). Космос и человек подчинены единому Закону, который становится познаваемым благодаря Логосу: Логос обеспечивает возможность такого познания.
- Согласно Платону, Логос — это основополагающий факт всякой жизни. Логос исходит из самого феномена и тем самым делает истину познаваемой.
- Аристотель считал, что действия человека определяются Логосом (*ibid.*). Логос — это понятие и суждение (разум) (*ibid.*). Ортос логос — это правильное суждение, праведный разум, нравственный такт (Никомахова Этика). Чистое мышление Бога о самом себе (Ноэзис ноэзеос) — это высший принцип мира (см.: Duncker, 1848; Heinze, 1872; Aall, 1896; Daub, 1833).

³ Для Хайдеггера (Heidegger, 1999. S. 89) гераклитовский Логос идентичен «сущности физиса (physis)* как бытия сущего», поэтому такое понимание является дометафизическим (как и все доплатоновское мышление). Хайдеггеровская интерпретация Логоса состоит в толковании физиса (его сущностью является огонь,

* «...Нельзя не вспомнить рассуждения Хайдеггера об этимологии и исходном значении греческого слова physis, традиционно переводимого как „природа“. Хайдеггер указывает, что собственное значение слова physis — „из самого себя восхождение“, прорастание, постепенное самораскрытие, или „восходяще-преобладающее властвование“, тогда как значение глагола physein, от которого образовано соответствующее отглагольное существительное — „расти“, „вращивать“. В конечном итоге, говорит Хайдеггер, physis — это „восхождение и в-себе-из-себя-стояние“, которое не есть просто лишь процесс, наблюдаемый в сущем, „physis“ есть само бытие, лишь согласно которому сущее становится и остается наблюдаемым» (Торчинов Е.А. Беззаботное скитание в мире сокровенного и таинственного: М. Хайдеггер и даосизм). — Прим. перев.

который представляет собой подлинную основу физиса и проявляет себя как бытие и сущее). Он понимал физис как проявленность (нескрытость) и связывал его с понятием истины.

У *Майстера Экхарта* (*Meister Eckhart*, 1313/1994) понятие Логоса находится в рамках учения о Троице, о Сыне. Как ни трудно судить об этом понятии, все же можно сказать следующее: во всех вещах проявляется некая идеальная преформация — Творец, Бог-Сын и связь с Началом (первопричиной (=принципиум), истоком). Поэтому, говоря о Боге, мы должны говорить о Творце, о Сотворенном и о связующей все Любви. У Творца (Бога) есть Слово (Логос), и через Слово, благодаря Слову возникает сущее. Можно говорить о языковом характере сущего, о языке как прообразе мира. Всякое сущее говорит о себе, и, делая это, оно говорит также о Боге — этот процесс представляет собой раскрытие Богом Себя (Бог дает увидеть Себя через это). Принципиальным для Экхарта является то, что Бог — это Бытие (Sein). А его понятие «Глагола» во многом соответствует понятию «Мемра» (я благодарю Фернандо Ллераса за это ценное указание.)

⁴ Есть разные понимания того, какова связь между Богом и Логосом: «Если святой Арий утверждал, что Логос (до времени) был сотворен Богом („теория субординации“), то, согласно Афанасию Великому, существует вечное единство между Логосом и Богом-Отцом (Contr. Arian. III, 62)» (*Eisler*, 1904).

⁵ Долгая история Логоса, начиная с его пресуществования до всякого Творения (см. выше «преэксистенциальный Логос»), затем рассматривалась как его проявление через патриархов, пророков и выдающихся личностей среди язычников, а ее кульминацией было воплощение Логоса в Иисусе Христе. В Новом Завете Иисуса трижды называют Логосом (*Naag*, 1956. S. 1037). Как Логос Он не мог быть создан людьми. Он был творческим Словом Божьим, через Которое произошло зачатие у Девственницы (*Brinkschröder*, 2006. S. 557).

Юстин Мученик эксплицитно уравнивал Логос и Христа. «Логос — это „первое пришествие Бога“, и через Непорочное зачатие был создан Иисус Христос (Apol.*, 121). В то время как Зевс при-

* Апология Юстина. — Прим. перев.

ходил к своим женщинам, движимый любовной страстью, Дева Мария зачала без интимной связи с мужчиной. Она была осемена Духом, который не через сексуальную близость, а через Свою Силу привел к тому, что она забеременела (Apol. I, 33)». (*Brinkschröder*, 2006. S. 558). Эту сексуальную воздержанность переняли христиане. Тот, кто признает себя причастным к Логосу, изменяет свой сексуальный образ жизни (*ibid.* S. 559).

⁶ Это происходило параллельно с развитием и утверждением раннего христианства: демонизация олимпийских богов из-за их сексуальной распущенности и одновременно необходимость самим защищаться от обвинений в сексуальной распущенности, прежде всего в мужеложстве (Athenagoras Apol. III, 31; также *Brinkschröder*, 2006. S. 560). Так целомудрие стало для христиан идеалом, сексуальные отношения после женитьбы/замужества разрешались для зачатия детей, в иных случаях проповедовалось полное воздержание (Apol. 129 — см.: *ibid.* S. 559).

⁷ *Божественная Мемра* показывает себя через свет, огонь, дым, облака и т.д., то есть через символы (то, что евреи называли Шекина, — см. Encyclopedia. 1906, эл. ресурс), а со времен христианства — также через людей, потому что «Слово стало плотью» (Ин. 1:1) и человек создан по образу Бога.

Перевод с немецкого: А.Н. Шапкина
Научная редакция: С.В. Кривоцова

Литература

- Aall A. Geschichte der Logosidee in der griechischen Philosophie. Leipzig: Reiland, 1896.
- Abelson J. Jewish Mysticism. London: Bell & Son, 1913.
- Anselm. Monologion // Opera Omnia. Vol. II. Edinburgh: Nelsons & Sons, 1946. P. 10–12, 24.
- Bestul T.H. Antecedents: The Anselmian and Cistercian Contributions // Mysticism and Spirituality in Medieval England / W.F. Pollard, R. Boenig (Eds.). Cambridge (UK): Brewer, 1997. P. 1–20.

Bräuer H. Stichwort Orthos Logos // Handwörterbuch Philosophie / R. WulffD (Hg). Göttingen: Vandehoek & Ruprecht, 2003.

Brinkschröder M. Sodom als Symptom. Gleichgeschlechtliche Sexualität im christlichen Imaginären — eine religionsgeschichtliche Anamnese. Berlin: de Gruyter, 2006.

Daub C. Über den Logos; Ein Beitrag zur Logik der gottlichen Namen // Theologische Studien und Kritiken, 1833. Vol. 6.

Duncker H.G.L. Zur Gesch. d. christl. Logoslehre. Göttingen: Vandehoek & Ruprecht, 1848.

Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe / Historischquellenmäßig bearb. von Rudolf Eisler. Berlin: Mittler & Sohn, 1904. Bd. 1: A—N; Bd. 2: O—Z.

Encyclopedia. 1906 // URL: <http://www.jewishencyclopedia.com>

Frankl V. Grundriß der Existenzanalyse // Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie / V. Frankl, V. von Gebattel, J.H. Schultz (Hrsg). München; Berlin: Urban & Schwarzenberg, 1959. Bd. III. S. 663–736.

Frankl V. Der Unbewußte Gott. München: Kösel, 1979.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Hüber, 1984.

Frankl V., Kreuzer F. Am Anfang war der Sinn. Von der Psychoanalyse zur Logotherapie. München: Piper, 1994.

Goethe von J.W. Faust. Der Tragödie erster Teil. Stuttgart: Reclam (Reclams Universal-Bibliothek Nr. 1), 1986.

Haag H. (Hg) Bibellexikon. Einsiedeln: Benziger, 1956.

Hahn F. Theologie des Neuen Testaments. Heidelberg: Mohr Siebeck, 2005. Bd. 2.

Hegel G.W.F. Die Phänomenologie des Geistes. Bamberg; Würzburg: Goebbart, 1807.

Heidegger M. Brief Über den «Humanismus» // GA / F.-W. von Herrmann (Hrsg). Frankfurt/M. Vittorio Klostermann, 1946/2004. Vol 9. S. 313–364.

Heidegger M. Logos (Heraklit, Fragment 50) // Vorträge und Aufsätze. Pfullingen: Günter Neske, 1954. S. 227–229.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 1979.

Heidegger M. Metaphysik und Nihilismus // GA / von H.-J. Friedrich (Hrsg). Frankfurt/M: Vittorio Klostermann, 1999. Vol. 67.

Heinze M. Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie. Oldenburg: Schmidt, 1872.

Hemingway E. Death in the afternoon. N.Y.: Charles Scribner's Sons Jewish, 1932.

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Riga: Hartknoch, 1781.

Längle A. Personale Existenzanalyse // Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge / A. Längle (Hrsg). Wien: GLE, 1993. S. 133–160.

Längle A. (Hrsg) Praxis der Personalen Existenzanalyse. Wien: Facultas, 2000.

Längle A. (Hrsg) Emotion und Existenz. Wien: Facultas, 2003.

Längle A. Existenzanalyse // A. Längle, A. Holzhey-Kunz Existenzanalyse und Daseinsanalyse. Wien, 2008.

Längle A. Vom gelassenen Wollen zum erzwungenen Lassen. Zur Praxis der realen Freiheit // Existenzanalyse. 2012. Bd. 29. №2. S. 15–30.

Längle A. From Viktor Frankl's Logotherapy to Existential Analytical psychotherapy // European Psychotherapy, 2014.

Meister Eckhart. Auslegung des heiligen Evangeliums nach Johannes. Magistri Echaridi expositio sancti evangelii secundum Iohannem. Die Lateinischen Werke. Bd. III / Karl Christ (Hrsg). Stuttgart: Kohlhammer, 1313/1994.

Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Stichwort Logos. Bd. 15. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1975.

Schopenhauer A. Preisschrift Über die Freiheit des Willens. Hamburg: Meiner, 1978.

Spaemann R. Moralische Grundbegriffe. München: Beck, 1986.

Spraemann R. Personen. Versuche Über den Unterschied zwischen «etwas» und «jemand». Stuttgart: Klett-Cotta, 1996.

Stock B. The implication of literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centimes. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1983.

Sartre J.P. Der Existenzialismus ist ein Humanismus. Philosophische Schriften. Reinbek: Rowohlt, 1946/1994.

М. Ангермайер, Л. Штраасс

ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ВНУТРЕННЕЙ СОГЛАСОВАННОСТИ

Диалог между экзистенциально-аналитическими и остеопатическими принципами и его психотерапевтические импликации

После короткого введения в телесно-организмическую проблематику в рамках экзистенциально-аналитической антропологии в статье рассказывается о телесно-организмическом диалоге как пути доступа к феномену «внутренней согласованности» — источнику этической установки. В соответствии с темой дается описание основных положений остеопатии (диалога с тканью) и экзистенциального анализа.

Рассматривается вопрос о том, как можно развивать связь с этим источником («внутренней согласованностью»), используя — наряду с речью — диалог, устанавливаемый с помощью рук и их «вслушивающегося» прикосновения; каковы этические импликации телесно-ориентированного метода для терапевтических отношений.

Описывается основное упражнение, создающее условия для открытия внутреннего пространства переживаний и для поиска направления, в котором нужно двигаться чтобы прийти к внутреннему ответу. Эти факторы способствуют лучшему осознанию собственных ощущений, укрепляют доверие к значимости телесно воспринимаемого опыта. Использование телесно-организмических переживаний в рамках феноменологического метода позволяет расширить пространство свободы терапевтических действий.

Ключевые слова: телесно-организмический диалог, тело, организм, самость, феноменология, согласованность.

Введение

После конгресса, который был организован Международным обществом логотерапии и экзистенциального анализа (GLE-International) в 2009 году, между различными авторами в рамках экзистенциального анализа поднялась оживленная дискуссия